

18+

Розожин В.П.

Ф.И.А.

Ф.А.К.

Записки
скверного
мальчишки

3

Валерий Рогожин

Филфак-3. Записки скверного мальчишки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34394600

ISBN 9785449093448

Аннотация

Книга представляет собой сборник художественных воспоминаний о студентах семидесятых годов прошлого столетия и просто о том замечательном времени, времени, когда автор и его друзья учились, выросли, влюблялись, просто жили. Все истории написаны по действительно происшедшим фактам, все события происходили в жизни. Фамилии, указанные в тексте, изменены.

Содержание

Античная литература	5
Потерянное поколение	16
Он и она 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Филфак-3
Записки скверного
мальчишки
Валерий Рогожин

© Валерий Рогожин, 2019

ISBN 978-5-4490-9344-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящается нашей юности, безалаберной и веселой, нашей молодости, энергичной и влюбленной, и тому времени, неповторимому и прекрасному...

Античная литература

Женщина! Какое магическое и чарующее слово. Женщина, даже самая последняя золушка, живущая в заброшенном чуме на краю земли, не видящая света белого от непосильной работы, даже она – царица и повелительница. Так заложено природой и во всем, прямо или косвенно, женщина командует мужчиной. Может это рудименты матриархата, царившего некогда в человеческом обществе, может наоборот наше счастливое или несчастное будущее, но это непреложный факт!

У меня внук и внучка. Когда-то внучке, когда она еще только вступала в жизнь, это сейчас она взрослый самостоятельный ребенок восьми лет от роду, а когда-то в двухлетнем возрасте ей удалось завладеть нарядами матери. И что же начал делать с ними этот только что вылупившийся из яйца цыпленок, еще не умеющий толком говорить, не умеющий читать и не посмотревший толком ни одного мультфильма? Она стала примерять на себя все эти гигантские для нее кофты, платья и туфли, изображая из себя королеву (!). Я был поражен. По моим подсчетам, она еще просто не слышала такого слова. Но нет, она переодевалась, она вышагивала важно по комнате, непрестанно спотыкаясь и падая, и отдавала приказания и распоряжения. Она была правительница!

Внук, примерно в таком же возрасте, уже слышал сказки,

которые слушала его старшая сестра про королей и королев, про принцев и принцесс, но в аналогичной ситуации, завладев родительским гардеробом, играл в путешествия и приключения. Туфли – это были корабли и ракеты, пиджак – бурное море, а брюки – подземный ход. И никаких тебе правителей, никаких принцев или королей.

Но речь пойдет не об этом. Речь пойдет о женщине, о проявлении женского начала и о том, как я пересдавал экзамен по античной литературе.

Шла весна, заканчивалась сессия в конце первого курса. Как всегда образовались какие-то задолженности, хвосты и недосдачи по разным предметам. И чем ближе было завершение сессии, тем больше лихорадило студентов, тем больше требовалось успеть, больше нужно было досдать, и как можно больше хоть как-нибудь спихнуть. А вдруг! А может еще сумеешь наверстать и получить стипендию, а...

С одним приятелем, тезкой знаменитого студента-киногероя произошел такой казус. У него висел хвост по истории партии, а история КПСС на гуманитарном факультете – это было серьезным препятствием не только для получения стипендии, но и для благополучного перехода на следующий курс. Сдача была закончена, преподавательница очень редко появлялась на кафедре и бедный студент просто не знал, что ему делать. И вдруг среди бела дня в другом конце коридора он увидел желанную фигуру. Бегом к ней. Она на другой этаж и Шурик на другой этаж, она заходит в какую-то ауди-

торию и Шурик сломя голову несется к этой аудитории, она выходит и идет дальше и Шурик почти бегом дальше, преподаватель заходит в кабинет и Шурик, радостный, что наконец догнал свою искусительницу, забегает в этот кабинет:

– Мария Ивановна, мне бы насчет пересдачи...

– Молодой человек, вы уверены, что это самое подходящее место для разговоров о ваших пересдачах?

Шурик оглядывается по сторонам и с ужасом понимает, что они находятся в женском туалете... Парень он был от природы очень скромный и стеснительный и теперь просто не представлял, как же будет пересдавать этот предмет, ниспосланный на голову студентов потусторонними силами. Видимо, преподаватель поняла его состояние и несколько позже сама послала за ним гонцов в общежитие для вызова на кафедру.

Но я рассказывал несколько другую историю. Стоял месяц май. Первые листики, первые цветочки, соловьи, воробы и синички с прочими пернатыми, пиво на улицах, нагретые на солнышке бугорки и холмики, девочки в коротеньких юбочках... Эх, где те замечательные времена, где моя счастливая юность и безалаберная молодость!

Мы собрались возле кафедры античной литературы. Мы – это я собственной персоной, два каких-то малознакомых парня и девочка Леночка из параллельной группы. Должен был подойти преподаватель, который будет проводить переэкзаменовку, и, усадив нас в какой-нибудь аудитории, раз-

дать вопросы для подготовки. Была опасность, что за нас возьмется Федоров, а это была смерть для любого пересдающего предмет. Но разведка донесла, что, кажется, Федорова сегодня на кафедре нет, а значит вполне можно прорваться.

Вот надо же, люди с других факультетов приходили на лекции, записывали эти лекции на магнитофоны, а мы, великовозрастные балбесы, не пользовались тем, что именно для нас предназначалось, не учили то, что потом приходилось познавать самостоятельно.

Я одет в двубортный пиджак, под полрой которого удобно укрылся здоровенный учебник Тронского. Это фолиант размером с машинописный лист бумаги и толщиной страниц восемьсот. Еще с армейских времен я удивительно ловко ухитрялся прятать под мышкой книжку так, что ее не замечал у меня ни один сержант. За поясом у меня таилась тетрадь с конспектами, взятая у одной из девчонок. Я считал себя во всеоружии и полностью готовым к сдаче переэкзаменовки.

Внезапно дверь кафедры открывается и в коридор выходит целая группа преподавателей, среди которых есть и Федоров. Начинается дискуссия кто будет принимать и где будут принимать. Высказывается мысль проводить переэкзаменовку прямо на кафедре. Кафедра настолько мала, что достань я своего Тронского, его можно будет рассматривать из любого уголка кабинета. Еще более горячий спор вызывают кандидатуры тех, кто конкретно будет принимать. Мы

стоим рядом, но на нас не обращают никакого внимания. Мы не имеем права голоса и вообще неизвестно воспринимают ли нас спорящие, как живых людей.

Наконец, одна из женщин-преподавателей говорит, что принять переэкзаменовку у четырех двоечников – это не чрезвычайно великий труд, открывает двери аудитории, находящейся рядом с кафедрой, и приглашает нас войти.

Заходим, садимся. Мы с Леночкой за один стол, ребята за два других, стоящих в стороне. Преподаватель приносит билеты и раздает нам. Мне достается билет с двумя вопросами. Один вопрос общий о роли античной литературы в мировой литературе или что-то подобное. А второй вопрос гораздо конкретнее. Второй вопрос – творчество Плавта.

Сейчас я бы мог наговорить по первому вопросу более, чем надо и минуты две-три посюсюкать про комедии Плавта. Сейчас я хоть что-то знаю об этом великом комедиографе. В те же далекие времена для меня Плавт был так же неизвестен, как и лирические песни пигмеев или как героический эпос народностей с острова Пасха.

Но преподаватель уходит из аудитории, видимо на кафедру пить чай и я благополучно осваиваю все, что имеется в учебнике о Плавте и начинаю знакомиться с ролью античной литературы в общемировой литературе.

Девочка-Леночка сидит рядом со мной. До меня ей нет никакого дела. Оказывается ее ножки, ее точеные ножки сразу чуть выше края юбчонки плотно мельчайшим почер-

ком исписаны шариковой ручкой. Там вместились никак не меньше половины учебника. Сейчас она ничтоже сумняшеся задрала юбку насколько позволял покррой и тщательно выписывает все премудрости со своих очаровательных ножек. То, что я сижу рядом и время от времени бросаю заинтересованные взгляды на ее конспекты, а вернее на источник ее конспектов, Леночку ничуть не занимает.

Внезапно она поворачивается ко мне.

– Послушай, дай мне книжку, а то у меня на второй вопрос нет ответа.

– Я бы дал, но мне книга нужна, а как я ее вынесу, если они сейчас зайдут.

– Я сама тебе вынесу.

– Да?

Я с сомнением осмотрел ее фигуру. Фигурка, конечно, замечательная, размер сорок четвертый даже будет великоват. Кофточка в обтяжку, под нее толстенный том не спрячешь, юбочка длиной сантиметров тридцать, то-то экономия на материале, под нее мой фолиант никак не поместится, а если и поместится каким-то фантастическим образом, то как ходить в этом случае?

– Да, не сможешь!..

– Я говорю вынесу, значит вынесу!

И настоящая властность звучит в ее голосе. Вот та царственность, о которой я и говорил в самом начале. Я пожал плечами и вытащил уже убранную книгу.

Все шло очень хорошо. К ответу я готов, правда, с книгой непонятная ситуация. А книга мне нужна обязательно. Во-первых, книга не моя, во-вторых, она не просто чужая, а библиотечная. Кто с библиотекой не рассчитается, у того будут сложности с переводом на следующий курс. Но посмотрим. Может все еще перемелется...

Внезапно двери аудитории открываются и преподаватели гомонящей толпой заходят в помещение.

Девочка-Леночка, Леночка-студенточка, не глядя на меня, захлопывает томик и чуть ли не двумя пальчиками, эдакий царственный жест, и откуда только силы взялись, чуть ли не двумя пальчиками она, не шелохнувшись корпусом, и только движением одной кисти руки перебрасывает этот здоровенный том Тронского весом около трех килограммов мне на колени.

После чего она сидит и спокойно, как и раньше изучает свои записи.

Я просто выпал в осадок. До того случая я слышал это выражение, иногда сам его употреблял, но толком суть не понимал. Теперь понял.

Челюсть у меня отвисла, и с большим трудом мне удалось рот закрыть. Колени начала бить дрожь. Книга елозила по ногам, как блюдце в руках у медиума на сеансе общения с духами. Того и гляди этот фолиант грохнется на пол. То-то наделают шуму три килограмма античной литературы, упавшие на пол с высоты целого метра!

В добавок Федоров, эта ходячая гроза студентов-двоечников подошел к моему столу и начал рассматривать мои корявые иероглифы, содержащие всю глубину списанных из книги знаний.

Я сделал вид, что пытаюсь встать, но Федоров меня тут же остановил. Это дало возможность вплотную придвинуться к столу и прижать фолиант коленями к нижней крышке стола.

А Федоров просмотрел по диагонали мои записи и решил пошутить:

– А у молодого человека здесь даже про комедию Плавта «Лягушки» есть. Вы где про Лягушек прочитали?

Ему казалось, что это очень смешно. Только я, когда изучали «Лягушек» ходил на лекции и помнил, что эту комедию о земноводных написал Аристофан.

– Там нет Лягушек. Это, наверное, «Кубышка».

– А про «Кубышку» вы где узнали, – сделался серьезным Федоров.

– У Тронского написано.

– А-а-а! Тогда понятно.

Не знаю, что именно сделалось ему понятным, но вряд ли кто из присутствовавших в аудитории мог подумать, что томик этого самого Тронского в данный момент лежит у меня на коленях.

Леночка тем временем воспользовалась тем, что общее внимание приковано ко мне, выбралась из-за стола и уютно

устроилась сдавать за столом с каким-то аспирантом.

Преподаватели стали прощаться. Наша преподаватель отпустила их провожать, я, пользуясь образовавшейся паузой, и уже по наглomu, не особо таясь, тем паче аспирант сидел ко мне спиной, устроил своего Тронского там, где ему полагалось быть, под полой пиджака, плотно прижатым локтем руки к боку.

Дальше все покатилося по вполне наезженной колее.

Вернулась преподаватель и еще парочка аспирантов. Меня, видимо как наследство от Федорова она взяла к себе, а аспирантам отдала двух оставшихся студентов.

Мы сели у окна. Она быстро просмотрела мои записи. Значения античной литературы касаться не стали. Сразу же перешли к Плавту.

– А как вы думаете много или мало пьес написал Плавт?

– Ну, так говорить, а тем более судить об авторе нельзя ни в коей мере, – это был вопрос для меня. – Один автор за всю жизнь напишет десятки или сотни наименований, а на проверку оказывается, что...

– Да, да, конечно, но сколько все же комедий Плавта дошло до наших дней?

– Ну точное число я вам сказать не могу, – я говорил все глубокомысленно, медленно, словно в раздумьях, а насколько верно я формулирую свою мысль

– Двадцать! Вы представляете двадцать комедий можем мы сегодня изучать, можем наслаждаться...

– Неужели?! – я сделал тоже круглые глаза, подыгрывая преподавателю. А что пусть человек потешится, если ей это так нравится. Наверное, именно так Екатерина Великая разворачивала перед Потемкиным или перед Сенатом свои планы преобразований в России. Таким же восторгом горели ее глаза. Точно так же императрица хотела нарисовать картину, которая бы целиком захватила собеседников.

Но тут мой professor опомнилась. Она посмотрела на меня, вспомнила, что перед ней сидит обыкновенный двоечник, явившийся на пересдачу. Тон ее сразу изменился:

– Ну, вам трех баллов хватит? Или будем проверять ваши знания на четыре балла?

– Нет, нет. Конечно хватит. Меня государственная отметка вполне устроит.

Вот так прошла моя пересдача экзамена по античной литературе, запомнившаяся, вероятно, на всю мою жизнь.

Но запомнились не экзамены. Я за свою жизнь сдал, пожалуй, несколько сотен экзаменов, а может даже это число ближе к тысяче. И бывало, что сдавал я их отлично, как когда-то сдал устную математику, поступая на мехмат и отвечая в течение четырех с половиной часов, а бывало и неудачно. Были случаи, когда мне приходилось наоборот принимать экзамены.

Запомнилось совсем другое.

Запомнилась ЖЕНЩИНА!

Женщина! Какое магическое и чарующее слово!

Женщина, даже самая последняя золушка, живущая в заброшенном чуме на краю земли, не видящая света белого от непосильной работы, даже она – царица и повелительница.

Потерянное поколение

Как раз в те годы произошла в ФДСе история. Точный год уже не вспомнится, но именно в то время, когда и мы жили на третьем этаже. История произошла достаточно громкая и, вероятно, очень многие помнят ее до сих пор, хотя сами действующие лица хотели сохранить все подробности в тайне. А произошло у нас следующее. Жил на нашем этаже, я имею в виду наш родной третий этаж в пятом корпусе ФДС, такой мальчик – Юрик Масленкин. Маленький, хорошенький. Все девчонки, как одна, ухаживать за ним брались. Но совсем не то, что вы подумали. Как мамыши.

Стало быть материнский инстинкт в них при виде этого Юрика-Ханурика просыпался. Он росточком был маленький. Как девочка-недомерочка. И по возрасту маленький. Школу закончил года на два приблизительно раньше положенного.

Это в технических вузах такое сплошь да рядом бывает. Там родители все торопятся родных сыновей, как правило, именно сыновей, поскорее в гении вывести да из родного гнездышка куда-нибудь в интернат для особо одаренных или просто переразвитых детей спихнуть. Наверное, чтобы сбить с рук поскорее, а гуманитарии понимают, что в их специфике тот на горе, кто книжек больше прочитал.

А здесь кто больше читает? Правильно, у кого имеет-

ся книжек больше и у кого времени на это дело побольше выделено.

Поэтому, если ты из колхоза Задрюпинска Засарайского района Запомоечной области, то нечего и соваться во всякие филфаки, хоть филологические, хоть философские. Пока этот будущий студент, чтобы прокормиться, будет в своем колхозе коровам титьки щупать да хвосты крутить, пока будет он или она свиньям кашу варить да козе траву щипать, а каждую осень и весну с картошкой в грязи ковыряться, в Питере да в Москве и прочих столицах и лучших городах страны Советской его ровесники уже столько книжек начитают, что ни словом сказать, ни пером записать.

Ну, значит, поступил Юрик по прозвищу Ханурик на филологический факультет Московского Государственного и с головой окунулся в самостоятельную жизнь.

Хотя какая это жизнь, если дома одна мамаша тебя блюдет и в жизнь запускает, а здесь таких мамаш с первого же дня штук не то тридцать, не то сорок образовалось. Каждая уважающая себя филологиня считала за свой долг и общественный, и природный хоть раз в неделю проконтролировать мальчика на предмет образа жизни и распорядка дня.

И в столовую тебя сводят, и чаю с тобой попьют, и плюшками-шанежками накормят, и за уроки усадят, и выполнение проконтролируют, и результаты проверят, разве что до туалета самостоятельно отпустят.

Но Юрик наш не жаловался. Он говорил, что по другому

жизни и не представляет. Приехал он из города Бельцы Молдавской ССР. И вся его жизнь малолетняя была результатом экспериментов.

Семья их была очень большая и вся на передовых достижениях науки построенная.

Во-первых, рожала его мамочка в воду. Это, дескать, уменьшает стресс эмбриона при переходе из одной среды обитания в другую.

Рос ребенок при постоянно звучащей классической музыке и под чтение литературных произведений. Целый день в комнате мальчика звучала музыка и строго по графику включались рассказчики, которые ненавязчиво под музыку доносили сказки и мифы, рассказы и повести.

Что по мне, так это через месяц можно одуреть от постоянных звуков вокруг тебя. Но Юрий вырос нормальным ребенком, спокойным и вполне уравновешенным.

Обучали его тоже с повышенной интенсивностью. Папа разработал свою программу, по которой ребенку с пяти лет объясняли элементы высшей математики, а по настоянию мамы в ночное время магнитофон начитывал Юрию сокровища мировой литературы

Может быть я передаю подробности воспитания ребёнка не совсем точно, но все происходило примерно в таком ключе.

И вырос Юрий вполне нормальным пареньком, общительным, компанейским, веселым. Может быть несколько легко-

мысленным, но это было, вероятно, от молодости.

На майские праздники тот год выпадало три и четыре выходных дня. Значит, если отпроситься или прогулять два-три дня между Первомаем и Днем Победы, то получаются чуть ли не целые каникулы дней на десять. Это уже что-то! За такое время можно и к родителям смотаться, домашними харчами поживиться, да с друзьями-приятелями повидаться.

Юрик так и сделал. Но подошло время ему вернуться, а паренька нет как нет. Проходит день, второй, третий, а про парня никаких известий. Ну, допустим, заболел, так дал бы телеграмму. Позвонить в те времена было проблематично. Конечно, в экстренном случае можно было бы заказать телефонные переговоры с почты на почту, но это тоже связано со множеством неудобств. Следовало в строго назначенное время прибыть в почтовое отделение и, если связь будет, то поговорить с абонентом, если он прибудет во второе почтовое отделение.

И самое главное, ребята, соседи Юрика, не знали причины его задержки. А, не зная причины, можно было поднять шум, тогда, когда это было совсем не нужно, это привело бы к неприятностям для паренька.

Да, впрочем, особо соседи Юрика его сложностями и не заморачивались. Чужие проблемы и есть чужие проблемы. Так, вечером на сон грядущий поговорят, что вот надо бы..., и спать ложатся.

А на третьи сутки вдруг приходит телеграмма из города

Бельцы от родителей парня: «Почему не сообщил о благополучном приезде? Что случилось?»

Это уже начинало тревожить по-настоящему. Значит человек из дому все-таки уехал! А в общежитии его нет! Стало быть что-то с ним случилось. А раз так, то нужно принимать какие-то меры.

Соседи Юрика дали ответную телеграмму: «Юрик в общежитие не приезжал»

Почти моментально пришла еще одна депеша из города Бельцы: «Как так? Почему не приезжал? Немедленно вылетаю. Встречайте завтра в 10 часов 33 минуты в Домодедово рейс Кишинев – Москва»

И на завтра мама мальчика Юрика является в столицу нашей родины собственной персоной. Ее персона была миниатюрная, но крепкая и энергичная.

Поэт писал: «Есть женщины в русских селеньях», – и еще про лошадей и пожары. Вот мамы Юрика с ее неистощимыми запасами материнской энергии вполне бы хватило следить за пожарной безопасностью среднего по величине российского города и на то, чтобы заодно руководить небольшим табуном лошадок.

Лошадей для остановки никто искать, естественно, не стал, но за три дня, которые мама провела в ФДСе, она успешно перевернула все общежитие от вахтера до заместителя ректора по хозяйственной части, и уже собиралась штурмовать Всесоюзный розыск, но тут произошло проис-

шествие, которое напрочь перечеркнуло все ее начинания.

Шел четвертый день пребывания мамы в «лучшем городе земли», как пелось в популярной песне того времени. Она только-только вышла из пятого корпуса, размышляя в какую организацию следует теперь направиться, как вдруг встретила своего Юрика.

Юрик шел довольный и счастливый в компании с каким-то другом, громко обсуждая какую-то, очевидно очень важную, проблему, как маме показалось, заключающуюся в анализе положительных и отрицательных черт характера некой особы дамского пола.

Увидев неожиданно перед общежитием свою родную маму, Юрик застыл, как статуя Владимиру Ильичу Ленину на Октябрьской площади, в один момент растеряв все доводы и аргументы в споре с приятелем, да и моментально потеряв самого приятеля, который мгновенно сориентировался и, сделав рукой прощальный жест, сейчас же растворился в необъятном просторе московских улиц.

Как впоследствии оказалось, Юрик благополучно прилетел в Москву из отчего дома, но в самолете встретил старого друга и однокашника, который и соблазнил бедного ребенка поехать сразу из аэропорта к нему на дачу в поселок Малаховку, где они и проводили все оставшееся время в компании с юными дамами, проживавшими в данной местности.

Несколько мгновений Юрик не мог отвечать на мамины вопросы, поскольку неожиданное появление мамы подей-

ствовало на него, как команда «замри» в известной детской игре. Но столь же быстро последовала и команда «отомри», после которой он начал активно убеждать родную мамочку, что совсем нет необходимости забирать его из столицы в родной город Бельцы, что все происшедшее просто результат нелепого стечения обстоятельств и что он самым решительным образом настроен штурмовать высоты филологических наук, вгрызаясь всеми силами в толщу гранита.

Так благополучно завершилась эта история, совместно с мамой мальчика Юрика основательно потрепавшая нервы многим руководящим работникам и рядовым студентам филологического факультета МГУ.

Но не прошло и полгода, как случилось некоторое логическое продолжение этой пренеприятной и достаточно необычной истории. И главное, если все мы в один голос допускали, что подобная история могла произойти только лишь с малолеткой, у которого совсем еще нет никакого жизненного опыта, то следующая часть произошла уже с человеком не молодым, по нашим рассуждениям, и даже с некоторыми натяжками можно сказать пожилым, на год или два старше многих из нас по возрасту.

А случилось все это с Вовкой Михиным, учившимся тогда уже на втором курсе.

Приближалась зимняя сессия. Точнее приближалась зачетная сессия, которая, в принципе, важнее сессии экзаменационной, потому как из-за прогулов (а по данным Юне-

ско, в мире насчитывается до трех студентов, не пропустивших ни одной лекции), из-за каких-то коллоквиумов и прочая, и прочая ты не попадаешь на саму сессию. Вот мы и сидели, готовили к сдаче всякие долги, чтобы сдать их на предварительной сдаче с чистым сердцем и легкой душой выйти на основную.

Ярик Шеховской разделался со всеми долгами, а так как зачеты собственно начинались не раньше, чем через неделю, то он решил эту неделю провести на домашних харчах, то есть собрался съездить домой. Жил он в старинном городе Смоленске, ехать туда было всего ничего от 4 до 7 часов в зависимости от того как будет ехать путешественник.

Но мы пока что ничего о его планах не знали. Собравшись в одну комнату, мы мучили различные учебники. И тут появляется Ярик с чемоданом.

– Мужики, проводите меня домой! До вокзала!

– А ты что, на вокзале живешь? А на каком? – тут же посыпались вопросы

Вопросы вопросами, но собираться на вокзал никто не бросился. Был один из последних дней, когда можно беспроблемно рассчитаться со всеми долгами и этим нужно было пользоваться.

– Ребята, ну мне до Казанского вокзала, а там в пять часов поезд...

Все как один человек углубились в учебники, отрешившись от всего окружающего. Филология брала верх Ино-

странные языки и живые, и мертвые на много опережали путешествие на Казанский вокзал с его толчеей, давкой и всемирно известными запахами.

– Ну что вы в самом деле? Что вам стоит?

– Ярик, у тебя хвостов не осталось, а тут за считанные дни нужно чуть не по всем предметам разделаться...

В комнате наступила тишина, в которой шуршание переворачиваемых страниц звучало как сход снежной лавины где-нибудь в предгорьях Памира.

– Мужики, я устанавливаю премию в виде бутылки портвейна «Три семерки»!

– Ярик, давай езжай в свой исторический центр. У нас сегодня день трезвости. От твоего портвагена только сон в глазах появляется и никакого душевного равновесия.

Но Ярик не утихомиривался. Коллективное начало в нем брало верх, к тому же он надеялся, что попутчики помогут дотащить до вокзала тяжеленный чемодан.

– Ладно! Уговорили!.. Беру «Три семерки» и «Московскую»!

Публика поскрипела стульями, но с места никто не двинулся.

– «Три семерки», «Московскую» и чебуреков от пуза на вокзале за мой счет!

И вот здесь Вовка Михин сломался. Ни слова не говоря, он встал и начал складывать учебники. Чебуреки пробили брешь в его монолите защиты, и два друга убыли по направ-

лению к Казанскому вокзалу.

В пять вечера Володька назад не вернулся. В семь часов его тоже еще не было. Точно так же он не приехал и в девять, и к концу суток.

Мы посетовали, поговорили о том, не попал ли Михин спяну в руки доблестной милиции и легли спать.

Наутро о нем не было никаких известий. Новый день приносит с собой как известно новые хлопоты, новые тревоги и волнения. Всем было не до злосчастливого горе-путешественника. Нужно было ехать на факультет ловить преподавателей, сдавать предметы, отвечать на вопросы, «рубить хвосты». Жизнь шла своим чередом и места на размышления о потерянном друге совсем не оставалось.

Вечером опять поговорили о Володьке, поспорили, стоит ли идти заявлять в милицию. А вдруг поднимешь шум и сделаешь ему этим только хуже? И легли спать.

Так в ежедневной суете мысли о пропавшем приятеле притупились, покрылись пылью. Время текло, затирая все события выступающие из ряда вон.

Совсем вплотную подошла сессия. Нужно было входить в нее во всеоружии.

Помнится был такой короткий разговор с одной молодой студенточкой, которая только-только начинала свой путь по ветвистым тропам познания.

– Ребята, а как вы умудряетесь прогуливать, ничего весь семестр не делать и сдавать все зачеты и экзамены?

– Видишь ли девочка, мы частенько выпиваем...

– Ну да! Я про это и говорю!

– А если выпиваешь, то никак нельзя иметь хвосты – мигом отчислят!

И мы сдавали. Были, конечно, и хвосты, и долги, и несдачи... Все было! Но учились мы хоть и немножко, но лучше других.

Прошло около недели, как Михин поехал провожать Шевцовского и исчез. Мы уже даже перестали говорить о странном исчезновении, перестали сравнивать пропажу Володьки со случаем с Юриком, имевшим место с полгода назад, как вдруг рано утром открывается дверь и на пороге стоит Володька Михин собственной персоной. Отдохнувший, посвежевший, ухоженный и опрятный.

Оказывается с ним произошло следующее. Посадил он Ярика в вагон. В этом же вагоне они на прощанье выпили водочки, лакировали портвейнчиком, догнали пивком и все это сопровождая горячими чебуреками купленными рядом с вокзалом. И Ярик поехал в своем скрипучем и стучащем деревянном вагоне, готовом развалиться за ближайшим бугром.

Вовка постоял на перроне, и такая грусть-тоска его охватила, так ему сделалось обрыдло на весь белый свет, так мучительно одиноко, как это может быть только у пьющего человека, когда он хочет выпить, а ничего больше нет.

И захотелось ему уехать в дальние страны, в голубую даль,

куда-нибудь на берег Тихого океана, на мыс с маяком, чтобы разводить там кур и выращивать кабанчика или даже двух, а вечерами заливать в баки керосин, или солярку, или что там полагается заливать в баки на тихоокеанских маяках, и направлять луч прожектора в черную темноту, чтобы океанские лайнеры видели этот луч и проходили мимо рифов и мелей.

Не было рядом ни маяка, ни лайнера, но на другой платформе стоял поезд с пустыми вагонами. Двери в вагоны были открыты. И залез Михин в этот пустующий вагон, и забрался аж на третью полку, где обычно провозят большие кожаные чемоданы и перетянутые ремнями баулы, устроился он на этой полке, пригрелся и заснул. А так как последнее время спал он помалу и нерегулярно, то проспал до ночи, а потом и до утра.

Поезд тем временем поехал, поехал с ним вместе, конечно же, и вагон. Они объехали все три вокзала, совершили какие-то необходимые машинисту маневры, а затем выехали на маршрут и всю ночь ехали по маршруту.

Утром Володька проснулся от того, что поезд остановился. Люди выходили из вагона на улицу. Вышел на улицу и Володька. Оказывается он приехал ни много, ни мало, а в город революции Ленинград.

Наш путешественник обшарил все карманы, но смог набрать только сорок копеек. Михин купил для душевного равновесия здесь же на вокзале за сорок копеек бутылку пива

и стал ждать.

Быть вечно на вокзальном перроне в чужом городе без денег, без средств к существованию нельзя. Значит должно обязательно что-то произойти. Оно и произошло. Володька познакомился с какой-то делегацией из соцстран. Делегация была смешанная. В нее входили чехи, венгры, румыны и, кажется, болгары. Ехали они куда-то в Сибирь, или на Урал, или даже на Дальний Восток. Но самое главное – это то, что никто никого там не знал. Поэтому Михин почти сразу сошел за своего. А куда ехать, ему было безразлично. Он и поехал из Питера в глубь сибирских просторов.

Как он рассказывал, ему ехать с этой делегацией удалось около трех дней. И постоянно старшая группы не могла толком пересчитать личный состав. То у нее лишний человек получался, то одного человека почему-то не хватало.

Обнаружилась причина ошибок, а причиной и был Володька Михин, уже в городе Челябинске при поселении в гостиницу. Дважды до этого группа сходила с поезда, селилась в городах и дважды все это сходило Михину с рук. Он уже решил, что сможет до Владивостока доехать. Но в Челябинске его задержали и передали дежурному сержанту.

Оказалось, что с сержантом они служили в армии в одно примерно время и в одних местах: где-то под Нижнеудинском. На этой почве они подружились, после чего Михин от сержанта убежал.

Ему удалось добраться до вокзала и сесть в поезд в сторо-

ну Москвы. Конечно же, никаких билетов у Володьки не было, поэтому часа через три или четыре его задержали контролеры.

Если все описывать подробно, получится приключенческий роман и может быть даже состоящий из нескольких частей. И кто бы только мог подумать, что обычно очень спокойный и несколько косноязычный Володька Михин, способен на такие выкрутасы.

Дальше был побег через крышу вагона, несколько раз он пересаживался в разные поезда, чтобы запутать следы и ехал то на запад, то на восток. Но за ним гнался какой-то очень настырный контролер. То ли у контролера было такое жизненное кредо, не упустить ни одного зайца в поезде, то ли просто за пойманных зайцев платили хорошую премию, а контролеру очень уж были деньги нужны, но он бегал за Михиным по крыше вагона, устраивал засаду в вагоне-ресторане и пересаживался с одного поезда на другой.

С очень большим трудом Володьке удалось в конце концов добраться до города Мичуринска, что находится в Тамбовской области. А добирался он туда через все перипетии и невзгоды потому, что в этом городке жила его благоверная. Здесь Михин отдохнул дня три на домашних харчах, чуть-чуть отъелся, отоспался и отправился назад в пятый корпус Филиала Дома Студента.

Я так давно не ездил в поездах, в вагон не прыгал с уходящего перрона, вдыхая запах креозота и гудрона в Святи-

телем заброшенных местах!

Не маялся в вагоне от жары, не ждал платформу, чтобы выйти на минуту... Какой-то воздух там особый почему-то, как будто это звездные миры!

Не покупал картоху у старух с кусочком рыбы, огурцом, бутылкой пива, чтобы поужинать и сытно, и счастливо, потом дремать под drobный трук-турук...

С попутчиком не спорил допоздна, зажав нагретые сто грамм граненой нормы, про президента, про страну и про реформы, как спорят все обычно с бодуна...

А утром прижимался бы к стеклу, таращась тупо в даль несущуюся мимо, воспринимая все вокруг, как пантомиму, вообразив холодную скалу...

Такая глушь, для жизни лишь шалаш... Забуду всё, метро, тебя, такси с трамваем... Пожалуй, всё же был я не вменяем, когда пришла на ум такая блажь!

Я так давно не ездил в поездах, в вагон не прыгал с уходящего перрона, вдыхая запах креозота и гудрона в Святителем заброшенных местах!

Он и она 3

Я не был каким-то ловеласом, бабником, ходокom или как там еще называли специалистов по противоположному полу. Вообще, я от рождения однолюб. В этом я, наверное, пошел в отца.

Он познакомился с моей матерью, отбил ее у другого офицера, будучи курсантом. А когда получил лейтенантские звездочки, отправился через всю страну на остров Сахалин, куда к тому времени занесла мою мать судьба комсомольского активиста и последователя Павки Корчагина.

А дело было так.

Отца призвали в армию в 1943 году после окончания десятилетки. Он был из небедной казачьей семьи, из так называемых гребенских казаков, всю войну прослужил в разведротe, а после окончания ему предложили остаться в армии.

Что нужно было делать вчерашнему школьнику, мальчишке без специальности? Возвращаться в станицу, в деревню, переходить из пусть младших, но все-таки командиров во всеобщие подчиненные, и садиться на шею матери с отцом или остаться в армии, получить бесплатное обучение и жить самостоятельно?

Он выбрал последнее. Его зачислили сначала на курсы, потом в школу младших офицеров, а затем в артиллерийское училище под Харьковом, где и присвоили лейтенант-

ское звание.

Мать была в оккупации, была связной в партизанском отряде. Школу закончить она не успела. В семье кроме нее было еще трое дочерей младше ее по возрасту. Отец ушел на фронт и последнее письмо от него пришло из-под Севастополя. И она после окончания войны отправилась с хутора в Ростов-Дон, где поступила в пожарный техникум.

Молодую активную комсомолку, бывшую партизанку заметили сразу и привлекли к комсомольской работе.

И очень быстро она стала вначале инструктором горкома комсомола, затем третьим секретарем, а потом и вторым. На учебу времени не оставалось, техникум она оставила.

Но тут потребовали, чтобы свою комсомольскую позицию они подкрепляли делом. Матери торжественно вручили комсомольскую путевку на Сахалин.

Можно, наверное, было бы отказаться. Кто-то, наверное, и отказывался, и оставался на Дону в родных местах. А мать с подругами поехали.

Как она рассказывала: они ехали и плакали от страха. Ведь это была бывшая царская каторга, территорию которой только что освободили от японских самураев, тех самых, которые совсем недавно переходили «границу у реки». Наверняка там было множество вражеских агентов и диверсантов, бандитов и шпионов, головорезов и каторжников

Год с небольшим она проработала в городе Южно-Сахалинске, когда неожиданно к ней приехал лейтенант из про-

шлой жизни, мой будущий отец. Семь с половиной тысяч километров в одну сторону, чтобы забрать любимую. И это при том, что на дворе послевоенные годы, мужчин и так не хватает, но нет, нужна именно эта...

Когда я первый раз шел к своей будущей подружке, я и подумать, конечно же, не мог, что эта встреча растянется на всю жизнь, что эта девушка, которой, по рассказам, так хочется сейчас меня увидеть, войдет невидимо в мою жизнь и уже никогда не выпустит из пальцев бездумного мальчишку.

В середине зимы, когда созвездие Большого Пса перешло в северное полушарие, население ФДСа стало редеть. Мы всей общагой с грехом пополам вплотную приблизились ко времени вакаций, рекреации, Erholung, а по-нашему, к элементарным зимним каникулам. Те, у кого были возможности, стали отбывать в родительские пенаты на халявные мамы-папины харчи. У нас появились целая свободная комната и целые вечера полностью принадлежавшие нам двоим

Это было прекрасно! Теперь я знал ее с ног до головы. И внутри, и снаружи. До сегодняшнего дня я великолепно помню, где какие волосики у нее на теле, где они отдают в рыжину, где темнеют, а где почти исчезают.

Я хорошо помню, как стучит ее пульс, как дышит она легко и таинственно и как подрагивают уголки губ, скрывающих готовую вырваться на свободу улыбку.

Твои груди – блаженство и гибель, Твои ноги – к безум-

ству дорога... Вкус свободы в застенках острога И для юности ты жаркой тигель...

А глаза твои – вечные дали. Твои волосы – это оковы! Снова бросил тебя я, и снова Мне исчезнуть в небытие не дали!

Твое тело – легенда и ода, Твое тело – набор древних мифов, Ты цветок из гарема халифов, Ты конец и начало отсчета.

Ухожу, растворяюсь, теряюсь, Становлюсь окружением зыбким... Это ты подарила улыбку – Я улыбке твоей покоряюсь...

Я заглядывал в твои глаза и тонул в них. В комнате было темно, от противоположной стены отражался свет уличного фонаря и падал на нас, как серебристое покрывало. С другой стороны с фонарем пыталась соперничать луна, но, хоть фонарь и был меньше, но он был гораздо ближе.

Ты смотришь на меня широко открытыми глазами, которые полностью охватили меня всего. Что ты думаешь? Чего ты хочешь? Может ты колдуешь, чтобы уже не отпустить меня никогда?

Да зачем это нужно. Я и так уже твой, уже и прикован, и привязан, и приколдован. Правда никто об этом еще не знает, ни я, ни ты. Хотя порой ты уже снишься по ночам.

В сессию получаю очень хорошую учебную встряску. Происходит сильная пробуксовка со сдачей латыни. Оказалось, что ее следовало учить и учить регулярно. Преподаватель,

молодой парень, немногим старше меня, высказал фразу, которая отложилась где-то в моих ячейках памяти на всю жизнь (о! Боже! Сколько этих фраз отложились за годы жизни где-то в клетках памяти и лежат там мертвым никому не нужным грузом):

– Я вообще-то знал, что вы очень слабо знаете латынь, но даже не подозревал, что настолько слабо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.